

«Десять дней в сумасшедшем доме»
и другие статьи основоположницы
расследовательской журналистики

/sub

НЕЛЛИ БЛАЙ

Профессия: репортерка

Перевод с английского
Варвары Бабицкой

Bookmate Originals / Individuum, 2024

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-443
Б68

Блай, Нелли.

Б68 Профессия: репортерка. «Десять дней в сумасшедшем доме» и другие статьи основоположницы расследовательской журналистики / Нелли Блай ; пер. с англ. В. Бабицкой. — М.: Individuum; Bookmate Originals, 2024. — 288 с. — (/sub).

ISBN 978-5-6046877-0-3

«Профессия: репортерка» — сборник лучших статей Элизабет Джейн Кокран (она же Нелли Блай), основоположницы жанра журналистского расследования и одной из первых корреспонденток в истории. Вас ждут приключения в «тиндере» конца XIX века и харассмент в парках Нью-Йорка, расследование системы принудительного психиатрического лечения, описание прекарного труда упаковщиц на фабрике, разоблачения фальшивых гипнотизеров и бизнеса по продаже младенцев. Она обращала внимание на несправедливость, угнетение слабых и бедственное положение женщин и в итоге добилась изменений в американском обществе — например, ее текст «Десять дней в сумасшедшем доме» спровоцировал реформу психиатрических учреждений. Современники называли ее Леди Сенсация за умение находить выдающиеся сюжеты, хотя для этого ей порой было достаточно присмотреться к окружающим или притвориться кем-то, кто выходит за рамки нормы.

Впервые публикующиеся на русском языке, расследования Блай проливают свет на истоки новой журналистики и показывают, что многие обнаруженные ей проблемы не потеряли актуальности и по сей день.

ББК 84(7Coe)-443
УДК 821.111(73)

 individuum /sub

ISBN 978-5-6046877-0-3

© Elizabeth Jane Cochran, 1887, 1888,
1889, 1893, 1915
© В. Бабицкая, перевод, 2022
© ООО «Индивидуум Принт», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции Individuum	7
Предисловие. Своя палата Нелли Блай	11
Десять дней в сумасшедшем доме	17
Девушки, которые делают коробки	109
Разыскиваются: несколько мужей	121
Нелли Блай — гипнотизер	141
Постыдное поведение в парке	157
Слепоглухонемая	169
Нелли Блай — заключенная	187
Женщины и преступность	211
Нелли Блай покупает младенца	223
700 докторов Нелли Блай	239
Нелли Блай и Отряд милосердия	251
Нелли Блай и кошмар на Восточном фронте	273
Сербская женщина, у которой война отняла все	279
Нелли Блай описывает ужасы войны	283

ОТ РЕДАКЦИИ INDIVIDUUM

Удача журналиста – найти сюжет. Счастье журналиста – найти героя. Элизабет Джейн Кокран (1864–1922) сделала нечто большее: она сама придумала себе героиню и стала ею – неутомимой расследовательницей Нелли Блай, защитницей обиженных и обделенных, грозой шарлатанов и угнетателей, любительницей адреналина и хлесткого слова. Благодаря упорному труду и бесстрашным поступкам она за короткий срок превратилась в самую известную журналистку своего времени – и проложила дорогу журналисткам будущего. Ее называли Леди Сенсация за умение находить выдающиеся сюжеты, причем для этого ей порой было достаточно сходить в городской парк и присмотреться к людям.

Она была «гонзо» задолго до того, как это слово стало обозначать сверхчувствительного фиксатора странных и удивительных обстоятельств, который позволяет себе не только оценивать происходящее, но и влиять на него. Своим шокирующим описанием быта женской психиатрической больницы на острове Блэкуэлл Блай добилась изменения условий содержания пациенток и увеличения финансирования подобных учреждений. Ее удивительная биография легла в основу трех художественных фильмов – «Приключения Нелли Блай» (1981), «Десять дней в сумасшедшем доме» (2015) и «Побег из сумасшедшего дома: История Нелли Блай» (2019). С нее списана отважная журналистка Женеваева

Эверидж из сериала «Больница Никербокер». В ее честь назвали парк аттракционов в Бруклине — думается, что Блай бы это оценила. Перед вами сборник ее статей, выходявших в разных американских изданиях с 1887 по 1915 год и ставших классикой американской журналистики.

Почему мы решили обратиться к этим текстам именно сейчас, сто лет спустя после смерти Кокран? Во-первых, записки Блай из тюрем, больниц и фабрик нисколько не растеряли вескости, а жар ее требований справедливости и сострадания все так же способен согреть — или обжечь. Во-вторых, детали этих репортажей (как и порой суждения самой Блай!) подсказывают, что мир все же изменился — и эта дистанция позволяет воспринимать собранные здесь публикации не просто как социальную журналистику, а как явление, тесно связанное с западной культурой конца XIX века; такие приемы и обороты вряд ли встретишь в интернет-медиа. В-третьих, Individuum специализируется на «приключенческом нон-фикшне» (этот слоган как нельзя лучше подходит Блай) и не первый год выпускает книги журналистов-расследователей. Поэтому нам кажется правильным давать ключевым текстам этой традиции новую жизнь на русском языке. Так было и с антивоенным документальным хоррором Джона Херси «Хиросима», написанным в 1946-м и изданным нами в 2020-м — и с тех пор выдержавшим три тиража. Потому что есть вещи, которые не устаревают.

Это не было бы возможным без Мики Голубовского, автора идеи этого сборника, переводчицы Варварой Бабицкой и редактора Никиты Смирнова. Мы постарались сохранить аутентичность языка Блай и пояснить базовый контекст, в котором писались эти тексты, — для этого мы изучали другие публикации в прессе тех лет, проверяли адреса героев Блай и цены в каталогах за 1889 год, разбирались, как тогда выписывали векселя, припоминали вымершие профессии, изучали словари полуторавековой давности и много-много спорили. Впрочем,

анахронизм в названии книги допущен умышленно – в XIX веке слово «репортерка» было знакомо только польскому уху, но сегодня женщин, таким образом определяющих свою профессию, в России становится все больше с каждым днем. Этот разговор имеет столько же отношения к языкознанию, сколько и к праву на политическое заявление, на особый подход, на активное проявление солидарности с другими людьми и, в конечном счете, на собственный голос.

К этой книге можно отнести как к аттракциону из Бруклина. А можно, вооружившись наблюдательностью и темпераментом Блай, попытаться помочь тем, кому все так же невесело на этих горках.

ПРЕДИСЛОВИЕ. СВОЯ ПАЛАТА НЕЛЛИ БЛАЙ

В 1885 году в американской газете *The Pittsburg Dispatch* появляется текст, который начинается такими словами: «Что же уготовано для девушек? Для обычных девушек, у которых нет талантов, которые не красотки, не богачки».

Вместе с ним появляются Нелли Блай (тогда еще Элизабет Джейн Кокрейн) и ее главный журналистский прием – вопрос, опережающий свое время.

За этим риторическим вопросом последовал полный ярости текст – это был ответ на эссе «На что годятся девушки» постоянного автора газеты. Его написала двадцатилетняя Элизабет Джейн Кокрейн. Но чтобы выяснить это, редактору питтсбургской газеты сначала пришлось опубликовать объявление о ее розыске. Полностью эта история выглядела так. Один господин написал в газету письмо, где жаловался на свою жизнь и то, что ему приходится растить пятерых девушек, и спрашивал совета, как ему быть и к чему их готовить. Постоянный автор *The Pittsburg Dispatch* Эразмус Уилсон ответил ему статьей «На что годятся девушки», в которой критиковал женщин, устраивающихся на фабрики, упоминал китайский инфантицид и недвусмысленно указывал на место женщины – известно какое.

В яростном ответе на эту статью Элизабет Кокрейн объясняла, почему женщины выходят на работу, и заступалась за их право на труд. Элизабет Кокрейн никак не подписалась, поэтому редактор опубликовал ее текст с комментарием, что разыскивает автора. Когда через несколько дней она появилась в редакции, ей сразу предложили работу репортерки. Она согласилась и взяла псевдоним Нелли Блай.

Нелли Блай начинает писать о проблемах работающих женщин, становится известной авторкой и в это же время нежелательной персоной для владельца одной из местных фабрик — ее «ссылают» в отдел культуры писать о «настоящих женских» вопросах — шляпках и музыке.

Один из самых популярных очерков Блай «Десять дней в сумасшедшем доме», а также некоторые из ее статей сейчас перед вами.

Есть какое-то символическое изящество в том, что славу Блай получила за репортаж о людях, в глазах общества не соответствующих общепризнанной норме, о «ненормальных». Кажется, что такая же особенность — отойти от нормы, не вести себя так, как принято, как все остальные, — была и у самой Нелли Блай. Но именно это стало ее главной журналистской путеводной звездой и удачей. Почему она возмутилась тем, что место женщины на кухне, когда это считалось нормой? Почему решила исследовать устройство психиатрической лечебницы для женщин? Точнее — увидела, что оно особенно жестокое? Если в 1887 году все, что происходило в больнице, и было нормой?

С унижительной ссылкой в «женские темы» *The Pittsburg Dispatch* Блай не смиряется. Она становится иностранным корреспондентом газеты и отправляется в Мексику писать о положении бедняков. Ее путешествие, которое и в наше время кажется довольно опасным для юной репортерки-одиночки, ложится в основу книги «Шесть месяцев в Мексике».

Нелли перебирается в Нью-Йорк. Как пишут ее биографы, в то время казалось немыслимым, чтобы женщина работала репортером, так что на работу ее никуда не брали, пока наконец ей не удалось получить задание от газеты *The New York World*. Ее главным редактором был Джон Пулитцер – родоначальник жанра расследовательской журналистики, учредивший премию, которую так ценят современные журналисты. Задание было такое: попасть в закрытую нью-йоркскую женскую психиатрическую лечебницу на острове Блэкуэлл и описать, как там лечат «умалишенных пациенток».

Блай довольно просто удается симулировать необходимые симптомы, и она быстро оказывается на Блэкуелле сначала в роли обычной пациентки, а потом и в роли пациентки-бунтарки.

Каждого, кто хоть немного знаком с тем, как реформировалась психиатрия, не сможет не восхитить проделанный путь Блай. Вот она симулирует симптомы – не спит всего одну ночь, выглядит усталой и одновременно перевозбужденной, путано рассказывает врачам свою историю и очень легко попадает в больницу. И это за 80 лет до знаменитого (и совершенно невозможного в современном мире) эксперимента американского психолога Давида Розенхана: он усомнился в корректности психиатрической диагностики и в 1973 году отправил волонтеров-псевдопациентов, имитировавших галлюцинации, в несколько психиатрических больниц разных штатов. Всех их госпитализировали, все тут же признались в том, что они участники эксперимента, но никому не удалось сразу выйти на свободу.

Вот и Блай возмущается властью врачей и санитарок над пациентками, а также изоляцией, в которой находятся женщины, будто они преступницы. Это за 70 лет до того, как Мишель Фуко, исследовав историю психиатрии в своем трактате «История безумия в классическую эпоху», назовет такой порядок вещей «психиатрической властью» и присоединится

к антипсихиатрическому движению, кардинально поменявшему устройство лечебниц во многих странах.

Вот она жалеет женщин, просит за них, бунтует в меру сил и возможностей — это еще за несколько десятков лет до выхода романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» и одноименного фильма с Джеком Николсоном в главной роли. Кизи делает по сути то же, что и Нелли Блай: показывает пациента сначала человеком и лишь потом — человеком с диагнозом.

Расследования «Десять дней в сумасшедшем доме» Нелли Блай вполне бы хватило, чтобы войти в историю, в учебники по журналистике и в списки женщин, благодаря которым борьба за равные права — реальность, а не страшный сон обозревателя *The Pittsburg Dispatch*. Но это не был единственный успех в ее журналистской карьере.

В 1898 году она объявляет, что хочет бросить вызов герою Жюль Верна и совершить кругосветное путешествие быстрее, чем за 80 дней. Блай отправляется в путь, пишет репортажи и возвращается (на восемь дней быстрее!) в своем знаменитом образе — клетчатое пальто, кожаный дамский саквояж — абсолютной звездой.

5 мая 2015 года Google посвящает ей дудл — маленькую анимированную картинку, которая каждый день меняется на главной странице поисковика и обычно посвящена какому-нибудь значимому историческому событию или персонажу. На дудле Нелли изображена как раз в этом клетчатом пальто и с саквояжем.

Читатели с нетерпением ждут ее текстов, и каждый становится сенсацией — немногие из сегодняшних авторов могут похвастаться такой популярностью своих тревелогов.

Надо сказать, что и на этом ее карьера не заканчивается. После смерти мужа — а Блай была замужем за миллионером-фабрикантом тридцатью годами ее старше — она, не сумев сохранить наследство, берется за другие невероятные по тем временам журналистские задачи. Становится военным репортером, пишет

материалы с фронтов Первой мировой войны, присоединяется к суфражистским маршам, становится гонзо-клиенткой брачного агентства. Где бы ни оказалась, она везде задает один и тот же вопрос: «Как же так?»

Именно этот вопрос и задают журналисты, которые сегодня становятся победителями Пулитцеровской премии. Именно его задавали Розенхан и Фуко. Он кажется таким простым и очевидным, но требует большой смелости.

Вот Блай, например, пишет из лечебницы Блэкуэлл: «Я лежала без сна, представляя себе, какая случилась бы трагедия, если бы в лечебнице вспыхнул пожар. Все двери были заперты, каждая по отдельности, а окна забраны решетками, так что спасение было бы невозможно. Только в одном здании, как говорил мне, кажется, доктор Ингрэм, содержалось около трехсот женщин». На этом конкретном фрагменте книги любому современному журналисту (особенно российскому) станет и вовсе не по себе от прозорливости Блай. Про пожары в психиатрических лечебницах и психоневрологических интернатах российская пресса пишет с удручающей регулярностью. В таких пожарах обычно гибнет не один десяток людей, а затем все объясняется какой-нибудь технической причиной вроде неисправной проводки. Но активисты, правозащитники и волонтеры давно знают, что к гибели людей приводит сама закрытость системы: решетки на окнах и дверях, отсутствие общественного контроля. Все то, что 150 лет назад подметила Блай.

Она, по сути, говорит: «Как же так? Как могло получиться, что больница, чья концепция в том, чтобы заботиться о жизни своих пациенток, напрочь не видит ценности в этой жизни?»

Такой очевидный вопрос приходит в голову очень немногим, а задать его вслух — начальству, обществу, врачам — решаются только самые отважные. Но именно эти вопросы приводят к переменам и реформам. Выход «Десяти дней в сумасшедшем доме» стал сенсацией, привел к улучшению финансирования и условий

в больницах. Сам факт публикации этого и других репортажей исследовательницей привел к появлению в культуре образа женщины, занимающейся журналистикой, зарабатывающей ею на жизнь.

Остается только добавить, что этот образ Нелли начала создавать за 44 года до выхода эссе Вирджинии Вульф «Своя комната». Его центральная мысль в том, что кроме обычных сложностей, с которыми сталкиваются все писатели, писательницы вынуждены преодолевать еще и огромную силу, отторгающую, выталкивающую женщину из культурного и общественного поля. Женщине попросту негде писать, у женщин нет кабинетов, своих комнат, женщина должна вырвать свое место, свое право, свой голос у общества и мужчин, прежде чем сможет им воспользоваться.

«Что же уготовано для девушек? Для обычных девушек, у которых нет талантов, которые не красотки, не богачки», — пишет Блай в 1885 году. До доступности избирательного права для женщин в Америке остается 45 лет.

*Вера Шенгелия, журналистка, директор по развитию фонда
«Жизненный путь»*

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

New York World, 1887

Введение

С тех пор как мой отчет о пребывании в лечебнице для душевнобольных на острове Блэкуэлл* был опубликован в *The World*, я получила сотни писем. Издание, в котором была помещена моя история, с тех пор давно разошлось, и я сдалась на уговоры опубликовать ее книжкой, чтобы удовлетворить запрос сотен читателей, по-прежнему спрашивающих экземпляры.

С великой радостью могу сообщить, что в результате моего посещения лечебницы и последовавших за ним разоблачений власти Нью-Йорка стали ежегодно выделять на заботу о душевнобольных на \$1 000 000 больше, чем когда-либо прежде. Таким образом, мне остается по крайней мере то утешение, что благодаря моей работе несчастные горемыки получат лучший уход.

* Небольшой остров на Ист-Ривер в Нью-Йорке, расположенный между Манхэттеном и Квинсом. В 1832 году здесь была построена тюрьма, в 1839-м — психиатрическая лечебница. В 1973 году он был переименован в остров Рузвельт. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

Глава I. Деликатное поручение

22 сентября [1887 года] редактор *The World* спросил меня, смогу ли я устроить свое заключение в одну из лечебниц для душевнобольных в Нью-Йорке, чтобы откровенно и без прикрас поведать о том, как обращаются там с пациентами, как эти места управляются и тому подобное. Полагаю ли я, что мне хватит мужества вынести суровые испытания, которых потребует подобное поручение? Сумею ли я симулировать душевную болезнь в такой мере, чтобы ввести в заблуждение докторов и провести неделю среди душевнобольных — и чтобы при этом руководство лечебницы не обнаружило, что я всего лишь «гаврик с блокнутом»? Я ответила, что мне это по силам. Веря в свои актерские способности, я решила, что смогу изображать безумие достаточно долго, чтобы исполнить любую вверенную мне миссию. Смогу ли я провести неделю в палате для душевнобольных на острове Блэкуэлл? Я сказала, что смогу и сделаю это. И я это сделала.

Моей задачей было просто работать обычным манером, как только я почувствую, что готова к этому. Мне предстояло вести добросовестную хронику всего пережитого, а оказавшись в стенах лечебницы — выяснить и описать ее внутренние порядки, всегда так надежно скрытые от взгляда широкой публики санитарками в белых чепцах, засовами и решетками.

— Мы не просим вас принести оттуда сенсационные разоблачения. Описывайте все так, как видите, — и хорошее, и дурное; воздавайте хвалу или возводите обвинения — как вам угодно, но неизменно придерживайтесь истины, — сказал редактор. — Меня, однако, смущает ваша неизменная улыбка.

— Больше я не буду улыбаться, — ответила я и отправилась восвояси, чтобы приступить к исполнению своей деликатной и, как я вскоре обнаружила, трудной миссии.

Особенных надежд, что мне удастся проникнуть в лечебницу, я не питала, но даже в случае успеха я совершенно не рассчитывала вынести оттуда что-либо, кроме безыскусного рассказа о жизни в ее стенах. Я даже не рассматривала возможности того, что подобное учреждение может дурно управляться, а в его стенах творятся такие жестокости. Мне всегда хотелось подробнее ознакомиться с жизнью в лечебнице, чтобы убедиться, что самые незащищенные Божьи создания, душевнобольные, получают там надлежащий милосердный уход. Я слышала множество историй о злоупотреблениях в подобных учреждениях, но считала их небылицами или большими преувеличениями, и все же меня не оставляло подспудное желание знать наверняка.

Я содрогалась при мысли о безраздельной власти надзирателей над душевнобольными, о том, что любые слезные мольбы об освобождении могут оказаться тщетными, если такова будет воля надзирателей. Я с готовностью взялась расследовать, что происходит в стенах лечебницы для душевнобольных на острове Блэкуэлл.

— Но как вы меня вызволите, — спросила я редактора, — после того как я окажусь там?

— Этого я не знаю, — ответил он. — Но мы вас вызволим, даже если придется рассказать, кто вы и с какой целью прикинулись сумасшедшей, — только попадите внутрь.

Я не слишком верила в свою способность обмануть экспертов по душевным болезням, а мой редактор, полагаю, и того меньше.

Вся предварительная подготовка и планирование моего непростого предприятия были оставлены на мое усмотрение. Мы договорились только об одном, а именно что я буду действовать под именем Нелли Браун: таким образом, инициалы будут совпадать с моими собственными, вышитыми на моем белье, и не составит труда проследить мои перемещения и вызволить меня из любых затруднений или опасностей, которые могут меня поджидать. Способы попасть в палату психиатрической

лечебницы существовали, но мне они не были известны. У меня было два пути. Я могла симулировать сумасшествие в доме друзей, после чего меня препоручили бы заботам двух компетентных врачей, или же я могла достичь своей цели через постановление полицейского суда.

Поразмыслив, я сочла, что в интересах моего дела разумнее не навязываться друзьям и не обращаться к помощи благожелательных врачей. Помимо прочего, чтобы отправить меня на остров Блэкуэлл, моим друзьям пришлось бы выдать себя за бедняков, а мое знакомство с неимущими (не считая меня самой), к несчастью для моей цели, было исключительно поверхностным. Поэтому я остановилась на плане, который и привел к успешному выполнению моей миссии. Мне удалось добиться, чтобы меня поместили в лечебницу для душевнобольных на острове Блэкуэлл, где я провела десять дней и десять ночей и пережила опыт, которого никогда не забуду. Я решила сыграть роль бедной, горемычной сумасшедшей девушки и сочла, что мой долг – не уклоняться ни от каких неприятных последствий этого выбора. На указанный отрезок времени я стала пациенткой городского заведения для душевнобольных, многое пережила, увидела и узнала способы лечения, применявшиеся к этой незащитной группе населения, а когда я увидела и услышала достаточно – меня своевременно вызволили. Я покинула лечебницу с радостью и сожалением – радостью, потому что я снова могу дышать свободно, и сожалением, потому что я не смогла взять с собой некоторых из числа несчастных женщин, которые жили и страдали бок о бок со мной и которые, по моему убеждению, были ничуть не более сумасшедшими, чем была и остаюсь я сама.

Тут я должна заметить: с того момента, когда я оказалась на острове в лечебнице для душевнобольных, я не предпринимала никаких попыток придерживаться своей напускной роли. Я разговаривала и вела себя точно так же, как и в обычной жизни.